

Пятидесятые годы. Орловский государственный пединститут в ту пору находился на Московской в старинном двухэтажном доме, построенном, как мы узнали потом, купцом Перелыгиным. Здание во дворе — квартиры преподавателей. Там же жил с семьей доктор филологических наук профессор С.И. Котков. Наука всей его жизни — языкознание. Строгий и улыбочивый, он мог подолгу говорить о красоте, звучности и многозначности русского языка.

НАСТАВНИК И ДРУГ

Слушатели, особенно слушательницы, интересовались его домашними делами.

— Как вы детей своих воспитываете? — спросила Эля Челнокова, самая дотошная и веселая из нас.

— Приучаю к труду, раз в неделю разрешаю сходить в кино.

— Почему только раз?

— Вполне хватит.

— А сколько денег даёте на карманные расходы?

— Нисколько. Пирожками домашнего печенья обходятся.

— И всё?

— Всё! Деньгами можно испортить человека, особенно в детстве.

Воспитывал строго, но добился успехов немалых. Через многие годы, когда дочь профессора сама стала учёным человеком, я приехал в Москву вместе с маленьким сыном. Дело было к вечеру. Я навестил одного знакомого, надеясь у него заночевать, но знакомого не застал, а хозяйка угостила лишь долгим разговором. Поступил к Котковым. Вышла молодая женщина и на вопрос о Сергее Ивановиче не ответила. Пригласила войти. Я повторил вопрос. Она повторила своё приглашение. И

только когда ввела в комнату, посадила на диван, объявила, что мы остаёмся ночевать, тогда только пояснила, что Сергей Иванович будет завтра. Это была дочь профессора.

Наутро он приехал. Обрадовался. Начал расспрашивать о бывших студентах нашего курса, общих знакомых и, конечно, о писателях орловских:

— Как там Горбов, Афонин, Яновский, Минаев, Громов?

Просил присылать новые книги орловских литераторов. Особенно тех, кто родился и вырос на Орловщине, чья речь сложилась на земле Тургенева и Лескова. Взамен дарил мне свои труды, сборники орловских материалов из сохранившихся Архива древних актов. Сборники пригодились мне в работе по истории орловского края.

Однажды Сергей Иванович показал толстый журнал давней поры со своим стихотворением. Пояснил, что в юности писал стихи, показывал их Багрицкому, которого высоко ценил. Рассказывал с улыбкой:

— Бывало, берёт мой листок со стихотворением и, не читая, вычёркивает первое четверостишие и последнее.

— Что вы делаете? — говорю. — Вы даже не знаете, что выбросили.

— Знаю! — отвечает Багрицкий. — Я убрал всё лишнее. В самом начале у тебя — разгон, в конце — ненужные обобщения.

Говорил об Институте русского языка, где работал, о своих замыслах. Уверял, что ему и ста лет не хватит, чтобы все планы претворить в жизнь. Жаловался, что у нас мало интересуются стариной. С горечью поведал, что датчане за последнее время издали документов из русской старины больше, чем мы.

А как любил говорить о говорах орловско-курских, о народных песнях, о литературе наших предков!

Передо мной одна из подаренных брошюр: "Слово о полку Игореве (заметки к тексту)", доклад на IV Международном съезде славистов (1958 г.) с дружеской надписью: "Дорогому Васе Катанову на память о диалектологии, экспедиции и Орловском институте".

Подарок был продолжением

наших разговоров о гениальном произведении неизвестного автора, родом, быть может, из наших мест. Интерес к "Слову", разбуженный в школьные годы, усилился и впоследствии привёл меня к тому, что я переложил его стихами.

Размышляя о лексике "Слова о полку Игореве", С.И. Котков обозначил интересные параллели из наших мест: привёл одну песню из Орловской области, другую — из Курской.

Летом 1953 года мы вместе побывали в Курской области (Золотухинский район) в диалектологической экспедиции: беседовали со старушками, вслушались в народную речь, наиболее интересные, с отблеском

дажней старины слова записывали.

Деревня сенокосной поры навела воспоминания: Сергей Иванович вспоминал деревню родной Ивановской губернии, я — свою, орловскую. В саду заливались птицы, вечерами вдали играла гармонь. Думалось: вот под этими звёздами предки нынешних курян уходили в поход на половцев. Среди них звучала речь, похожая на ту, что слышалась нам у каждой околицы. Вышла хозяйская дочь накосить бурёнке травы. Я попросил косу и прошёл несколько рядов. Девушка была в восторге. А мать открыла сундук и стала мне показывать приданое дочери. Мои друзья хохотали над этим эпизодом и в тот вечер, и во все другие. Первый раз я увидел, как умеет заливаться смехом Сергей Иванович.

В память о той экспедиции мы сфотографировались.

В первом ряду: Маша Данилова, сам наш профессор, Римма Белова.

Во втором ряду: Валерия Домогатская, Таня Ганжа, автор этих строк, Эля Челнокова, Нина Леонова.

Через год мы получили дипломы. В. Домогатская и Н. Леонова пошли вослед за руководителем нашей экспедиции: поступили в аспирантуру, стали учёными-языковедами. Меня пригласили в "Орловский комсомолец" и предложили стать журналистом. Однажды поехал в Змиёвку, оттуда в колхоз и на лугу встретил бегущую навстречу жену председателя. Это была Эля, уже не Челнокова. Всю ночь проговорили, вспоминая...

Однажды Таня Ганжа собрала у себя всех, кого сумела собрать, на вечер воспоминаний. Вспоминали и радовались каждому упомянутому имени. Среди них почётное место занимал Сергей Иванович Котков.

Наверное, от его имени тогда, перед распределением, спросила меня Нина Леонова, не пойдешь ли я в аспирантуру. Я отказался. Однажды И.И. Бахметьев, первый редактор на моём пути, открыл мне тайну. Оказывается, в его кабинете побывал профессор С.И. Котков. Он настойчиво рекомендовал меня в газету.

— Помни об этом! — говорил Иван Иванович. — Большой души человек!

Когда С.И. Котков умер, я прочитал о нём в журнале "Русский язык", что ушёл из жизни выдающийся учёный-языковед, который создавал целые новые направления в науке. Он не просто произносил русское слово. Он любовался им и счастливым был, открывая в нём богатейшую силу. Народ, у которого богат язык, родился не вчера. С этим открытием, сделанным в общении с моим учителем и другом, я пришёл однажды в родной пединститут и разговорился с профессором Р.Н. Поповым.

— Русский язык — один из богатейших в мире, — сказал Ростислав Николаевич. — Это видно и со стороны лексики, и со стороны фразеологии, и со стороны синтаксиса.

Богатый язык — древний народ.

Василий КАТАНОВ.

ВЕКОВОЕ НЕГРОМКОЕ СЛОВО

У неё медовые глаза и хорошо поставленный учительский голос. Она выглядит моложе своего возраста.

— Ничего удивительного, — говорит Татьяна Анатольевна. — Возраста я не ощущаю. Все учителя выглядят моложе своих лет. С детьми не соскучишься, от них постоянно подпитываешься юной энергией.

Учитель — одно из самых святых званй на земле. Оттого и одно из самых счастливых.

Хотя, конечно, тетрадки утомляют. Когда-то мне, великовозрастному, приходилось помогать маме, сельской учительнице русского языка, проверять ученические работы. Простое дело, но если этих тетрадей — пятьдесят...

Попробуйте ежевечерне прочитывать пятьдесят шестистраничных текстов. Считай, триста страниц, которые надо проанализировать, обдумать — ребята нынче умненькие, заворачивают такие фразы, что мимо глазом не пробежишь; мысль в каждой строке.

— Но ещё труднее преподавать литературу, — откровенно делится Татьяна Сивакова. — Ведь сейчас не читают! Сейчас в компьютеры засматриваются! Попробуй в этих условиях донести до ребёнка классический текст, оценку, вывод...

Учительницей русского языка и литературы Татьяна Анатольевна стала случайно. Готовила себя на иняз, на немецкий. Директор её родной одиннадцатой школы в последний миг отговорил:

— Ты же в России живёшь, русский язык и штудируй.

А дело в том, что у Тани была любимая учительница немецкого языка Наталья Николаевна Рыжкова. И всё-таки девушка послушалась директора. Пошла в ОГПИ на русский факультет. И не пожалела об этом.

После выпуска отработала в хатынецком селе Богородицком, вышла замуж и вернулась в Орёл, уже двадцать три года преподаёт; сначала в двадцатой школе, потом — в тридцать второй, нынешнем лицее.

В лицее 966 учеников, у Татьяны Анатольевны два одиннадцатых класса, да ещё пятый, да ещё девятый. Ведёт гуманитарные уроки с углубленным изучением.

В лицее углубленно изучают биологию, математику и русский с литературой. В октябре прошлого года Сивакова была выдвинута на соискание президентского гранта (сто тысяч рублей).

В Железнодорожном районе таких лауреатов всего восемь. До этого грант получила опять же учительница немецкого языка Наталья Николаевна Шаляпина из этого же лицея № 32.

И вот теперь — новый успех.

У Татьяны Анатольевны есть любимые

Фото Андрея САСИНА

ученики. Не в смысле любимчики — а которыми может в полной мере гордиться любой учитель.

Это одиннадцатиклассники, вполне сложившиеся личности. Алла Апухтина в прошлом году взяла третье место на Всероссийской олимпиаде по русскому языку, печатается в областной пионерской газете "Красный галстук"; Оля Каплун заво-

евала второе место на областной литературной олимпиаде и ведёт передачу "Орловское гнездо" на ОГТРК.

Их одноклассник Иван Кондратенко тоже победитель областной олимпиады и часто публикуется в областной прессе с краеведческими материалами.

Все они пишут стихи. Творчество в такие годы — гарантия гармоничного развития, редкостный всплеск, вершина душевной чистоты.

Сивакова называет всех троих "мои дети". А как иначе? Родные дети уже выросли, дочь Юля на радость маме и папе Валерию окончила в ОГУ биофак, младшая Ира завершила учёбу в колледже.

Но ученики лица не менее дороги — ведь они главные помощники на уроках словесности, на занятиях по литературе родного края.

— Очень умные дети, — говорит о своих учениках Татьяна Анатольевна. — Письменные работы их так объёмны, так глубоки...

Между прочим, в учителя сейчас идут с неохотой. В лицее № 32 все шестьдесят педагогов старше тридцати пяти лет.

Более молодые просто остерегаются учительствовать. И с зарплатой нелады, и неостановимая кутерьма школярная кому понравится?

А старая закалка помогает. Новаторство, авторитет у детей — не пустые звуки.

Учитель, имя твоё звучит громко. Пусть тихи и мягки твои слова — они проникают в самую душу, оставляют в ней след неизгладимый.

И так будет вечно.

Юрий ОНОПРИЕНКО.